

Арт Пашин

Что
на роду
написано...

Издательский Дом ЯСК
Москва
2024

УДК 82-31
ББК 84(2)6
П 22

Пашин Арт

П 22 Что на роду написано... — М.: Издательский Дом ЯСК, 2024. — 564 с.

ISBN 978-5-907498-73-0

Начав читать этот роман, оторваться от него уже невозможно. Захватывающий и непредсказуемый сюжет детективного жанра держит в напряжении до последних страниц. Любовная лирика, непреодолимая страсть, психология отношений, встречи, разлуки, мгновения счастья, драматические повороты судьбы увлекают в водоворот сильных чувств. Повествование переносит нас в Москву, Лондон, Киев, другие города и поселки прошлых времён. Из памяти живописно и зримо всплывают картины былого, вызывая понятную ностальгию. Действие развивается в верхних кругах большого бизнеса, сплетенного со спецслужбами и политикой. Деньги и власть, но вместе с тем, неизбежно, и риск создают в этих кругах особую атмосферу: раскованную, но одновременно накалённую. Поэтому, несмотря на витающий в этой среде богемный флёр, действия героев романа расчетливы, умны и точны, неожиданны и опасны, а намерения неоднозначны. Правда, карты путает страсть... Деньги, нажива — вот настоящая страсть людей этого круга, как скептически думают многие. Вовсе нет... Основан роман на реальных событиях, на судьбах реальных людей, поэтому за ним стоит целая жизнь — как последние дни золотой осени, уходящая в прошлое жизнь...

УДК 82-31
ББК 84(2)6

*В оформлении переплета использован
рисунок Анатолия Зверева «На Тверском бульваре» (1956)*

ISBN 978-5-907498-73-0

© Арт Пашин, текст, 2024

© Издательский Дом ЯСК, оригинал-макет, 2024

*Посвящаю
любимым жене и дочери
и друзьям юности, которых
осталось так немного...*

*Благодарю Александра Газова, Марию Пономарёву,
Викторию Хруслову, без участия которых
эта книга могла не состояться.*

Отдельная благодарность Наталье Пилипенко.

Предисловие

«Блажен, кто посетил сей мир в его минуты роковые». Так Тютчев сказал о тех, чья жизнь переплелась с тектоническими потрясениями современной им эпохи — войнами, сокрушительными землетрясениями, пожарами, гибелью сотен тысяч людей. Автору этой книги не пришлось быть ни свидетелем извержения Везувия, ни пожара Рима или мировой войны. Но всё рассказанное им — это о том, как события обычной жизни человека вне эпохальных событий мирового масштаба могут потрясать судьбу не меньше, чем трагедии, сокрушавшие цивилизации. Почти все и почти всё, что написано, было на самом деле, и не оставляющее читателя напряжение сюжета тоже подлинное и почти документальное. Уверен, что с тем же интересом, с которым я читал эту книгу, прочтете её и вы. Те, кто постарше, найдут о чём вспомнить, следующему поколению вольно принять это как плод фантазии, но это подлинная часть истории нашей страны.

Александр Адабашьян

Пролог

2017 год, Лондон

На 17-м этаже Чейз Манхэттен банка, занимавшего один из самых высоких небоскрёбов лондонского Сити, в переговорном зале викторианского стиля деловито беседовали трое немолодых мужчин. Жёсткие белые воротнички рубашек, неброские дорогие галстуки и прекрасно сшитые костюмы несколько обезличивали переговорщиков. Но если приглядеться, сразу становилось ясно, насколько они отличались по темпераменту, манерам и, главное, по происхождению. А если внимательно прислушаться к их неторопливой беседе и кратким замечаниям при просмотре документов, приходило понимание: трое профессионалов собрались обсудить важный проект, но делали это без всякого напряжения, время от времени перебрасываясь только им понятными шутками и безобидно подкалывая друг друга.

Сэр Монтегю Спенсер, один из старейших членов совета директоров банка и председатель кредитного комитета — сухощавый, седовласый, с безукоризненным пробором и слегка выцветшими серо-зелёными глазами с полузакрытыми веками, — источал спокойную уверенность представителя многомиллиардной финансовой империи.

Барни Штейковски, основатель и владелец влиятельного американского инвестиционного IT-фонда, напротив, был крупным лысеющим мужчиной с кирпичным от загара лицом, бегающими маленькими глазками и тяжеловесными

беспокойными руками. Выходец из бедной семьи польских евреев, он в благодатные 70-е вихрем ворвался в финансовый американский пул. И благодаря врождённой звериной интуиции быстро разбогател, вкладывая деньги порой в рискованные и поэтому сверхприбыльные проекты. Его фонды инвестировали в новейшие технические и IT-разработки, и тут уж интуиция Барни конвертировалась в баснословные дивиденды.

Сэр Монтегю с уважением относился к деловой хватке Барни, иногда советовался с ним относительно перспектив рынка ценных бумаг. Но стоило американцу отвернуться или повесить телефонную трубку, как Спенсер вздыхал и непременно шептал: «Ах, если бы он ещё умел носить костюмы...»

Третьим собеседником был человек славянского типа. Русые с проседью волосы, благожелательное выражение лица с правильными чертами. Синие глубокие со смешливой искринкой глаза выдавали характер добродушный в общении, хотя твёрдый подбородок скорее говорил о решительности характера. Одет мужчина был с той элегантной небрежностью, которой нельзя научиться, такой вкус даётся только от рождения. Звали его Павел Платов, предприниматель из Москвы. Собственно, он и был инициатором сегодняшнего совещания.

Перед ним лежала так и не раскрытая папка с документами, содержание которых он знал почти наизусть.

Первым закончил чтение бумаг банкир. Сняв очки и нетерпеливо постукивая пальцами по полированной поверхности стола, он ждал, пока разберётся в цифрах и графиках непоседливый инвестор.

Наконец Барни отложил папку и вопросительно посмотрел на Спенсера.

— Ну и как тебе всё это нравится, Монти?

Лишь на мгновение девятнадцатый баронет напрягся: за 50 лет общения с американскими партнёрами он так и не поборол в себе отвращения к амикошонству янки, превращавших славное имя потомка Ричарда Львиное Сердце в подобие собачьей клички, и постоянному похлопыванию по плечу.

Лорд Спенсер аккуратно сложил документы и, положив на них руку с тонкими узловатыми пальцами, буднично произнёс:

— Мне в этой истории нравится всё. Во-первых, мне нравится мистер Платов. За многие годы нашего знакомства и не столь долгого, но активного сотрудничества он ни разу не дал повода усомниться в своей порядочности и компетенции, — банкир вскинул близорукие глаза на гостя. — Это не комплимент, Павел, а констатация факта. Во-вторых, мне нравится, как подготовлены бизнес-план и финансовая модель: чётко, доступно, финансово и юридически выверенно, без лишней патетики. Короче, проведена большая трудоёмкая и грамотная работа. В-третьих, я лично имею слабость к полезным ископаемым. То, что лежит в земле, неизбежно, а значит, придаёт любому пакету акций солидность и устойчивость. Хотя, конечно, есть вопросы и требуются некоторые разъяснения по ряду позиций.

— Ещё бы, — хмыкнул Штейковски. — Я-то и примчался сюда из Чикаго, не жалея своего драгоценного времени и керосина для моего «боинга», только потому, что позволил Паша, — произнося это непривычное имя, он всегда делал ударение на последний слог. — Никто не обвинит Барни Штейковски, что он не помнит добра.

Спенсер удивлённо посмотрел сначала на американца, потом перевёл взгляд на Платова.

— А! Ты не в курсе, Монти?

Павел Николаевич предостерегающе махнул рукой:

— Не стоит ворошить прошлое, Барни.

— Нет, стоит. Благородные и мудрые поступки нужно рекламировать. Когда у Паши начались неприятности с вашими МИ-6, Скотленд-Ярдом и нашим ФБР, — продолжал Штейковски, — Паша сразу смекнул, что его фирме на нефтяном рынке конец. Чем бы ни закончилось расследование, репутации компании, якобы замешанной в коррупции, поднять невозможно. А у него осталось ещё почти на миллион тонн нефти

не выбранных квот на экспорт и переработку от российской «Нафты». Бочка нефти в те годы стоила меньше бочки газировки — 8–10 долларов за баррель. Фьючерсы рушились. Но сведущие профи понимали, что так будет недолго. Поэтому Паша и придерживал объёмы. А тут скандал. Паша среагировал мгновенно: позвонил мне в Нью-Йорк и предложил перекупить квоты по 8 долларов. Что я мгновенно и сделал. К концу года плетс перевалил за 40 долларов, и мы заработали больше 400 % на объёме. Никогда не пойму этих русских! Когда я спросил, куда перевести его долю, Паша попросил рассчитаться со всеми английскими банками по займам, а остаток перечислить в какой-то онкологический институт. К этому времени МИ-6 и Ярд удивительно быстро разобрались в ситуации, с Паши сняли все обвинения, и он вернулся в Россию. Правда, наша ФБР наложила лапу на все его английские активы до окончания разбирательства. Так что, думаю, долевые совсем бы не помешали. Но, как вы говорите, — Барни повернулся к Платову, — «у русских своя гордость»... Этого мне никогда не понять. Но уважение вызывает.

— Безусловно, — подтвердил Спенсер.

— Одного в толк не возьму, — Барни встал, плеснул в бокал немного виски, разбавил содовой и жестом пригласил присоединиться присутствующих. Спенсер и Платов отказались. — Зачем ты меня сюда вызвал? Из бумаг я понял: проект стоящий. Но это ваши дела: кредиты, банковские гарантии. Основным инвестором являешься ты, Паша. Моя епархия тут как-то не просматривается.

Спенсер кивнул:

— По финансовой части здесь всё довольно просто. Может, у вас, мистер Платов, есть какие-то дополнительные аргументы?

— Есть, — Павел встал, на долю сантиметра ослабил галстук и зашагал вдоль огромного монитора. — Давайте уж лучше я всё расскажу доходчиво и по порядку.

Оба собеседника кивнули.

— Три года назад наше правительство, — Платов повернулся лицом к внимательно слушающим финансистам, — приняло постановление о строительстве подземных хранилищ газа — ПХГ. Известно, что наилучшая среда для хранения газа — это солевые пласты. Для размыва первого ПХГ была выбрана соляная линза вблизи Балтийского моря. По двум причинам. Во-первых, соляной пласт был огромен — более трёхсот километров в длину и несколько сот метров в глубину. А во-вторых, этот регион — анклав. У него нет общей границы с Россией.

— Да-да, знаю! — Берни попытался вспомнить название.

— Бывший немецкий город Кёнигсберг — родина Канта, — вставил Спенсер. — Теперь, кажется, Калининград.

— Калининград, — поправил Спенсера Платов. — Был немецким, потом советским, а теперь российский.

— Что-то слишком много российского в мире становится в последнее время, — как бы размышляя про себя, пробормотал британец.

— Я не политик, и на моём бизнесе это никак не отражается.

— Может отразиться, и серьёзно. Бизнеса без политики не бывает. Впрочем, как и политики без бизнеса. Но мы отвлеклись, продолжайте.

— Строительство ПХГ, — продолжил Павел, словно читая лекцию, — осуществляется путём размыва пресной водой соляного пласта. Но тут строители столкнулись с двумя большими проблемами. Нехваткой воды в регионе и ещё более трудной задачей: куда сливать отработанный рассол. В море нельзя: экологи подняли шум на всю страну, засоление Балтики грозит вымиранием редких видов рыб, а главное, уничтожением янтарных плантаций. Сливать в специально пробуриваемые штольни — дорого и малопродуктивно: подземные воды всё равно вынесут рассол в море. Об этих проблемах я узнал от своих товарищей, работающих в государственной газовой компании.

При этих словах оба слушателя заулыбались, сразу поняв, что Платов специально не хочет озвучить правильное название всемирно известного российского газового концерна.

«Мудро», — отметил про себя Спенсер.

«Русские вечно что-то недоговаривают — видимо, это у них в крови после Сталина», — подумал Штейковски.

— Не буду вдаваться в подробности, как ко мне пришла идея разделения рассола на пресную воду и собственно соль. Скажу лишь, что вскоре я послал геологов взять керны на качество соли. И, получив заключение, что соль чистая и высокого качества, я уже точно знал, что предприму дальше. Я прочёл всё, что можно прочесть о соли. Оказалось, что соль — это биржевой товар и цена её котируется на товарных биржах в зависимости от качества. Её добывают разными способами: из морской воды, шахтным и карьерным методом, скалывают от застывших солевых отложений. Но, чтобы стать пищевой, химической, медицинской или даже технической солью, сырьё требует специальной трудоёмкой и довольно сложной технической доработки.

Финансисты, слабо разбирающиеся в технических эскападах Платова, всё же слушали с нарастающим вниманием. А когда из уст Платова прозвучало слово «биржа», Спенсер начал делать пометки в своём дневнике.

— Ну и что же ты придумал гениального, Паша, чтобы покорить соляной рынок? — Барни успел снять пиджак, распустил узел галстука и уже наливал себе третью порцию виски. Как опытный биржевой маклер он сразу просчитал: там, где есть биржевой товар, дефицитный рынок и ноу-хау, там будут деньги — и, возможно, большие.

— А дальше всё было просто. Не секрет, что атомщики путём выпаривания из простой водопроводной воды получают дистиллят, отделяя примеси и лишние химические элементы для нужд атомных электростанций. А это значит, что можно разделить рассол на воду и чистейшую соль. Я связался с атомщиками, передал им образцы рассола, и они в своей

лаборатории, несколько усовершенствовав существующую технологию, с успехом разделили мне рассол на воду, соль и асбест, вобравший в себя все излишние химические элементы. Так я получил соль «четыре девятки», что соответствует высшему биржевому рейтингу.

— Что-то ты, братец, скромничал, когда рассказывал мне, что и в школе, и в колледже больше увлекался спортом, чем науками, — Барни Штейковски коротко хохотнул и подмигнул Платову.

Спенсер нажал на кнопку селектора и, услышав голос секретарши, велел перенести встречу с корейцами на завтра.

— Ну и?.. — Барни явно проникся рассказом.

— Комиссия, созванная газовым концерном, утвердила проект. Четыре департамента, участвовавших в размыве, выдохнули с облегчением. А председатель правления дал распоряжение профильному банку в случае надобности доинвестировать строительство завода по переработке агрессивных отходов размыва — то есть рассола. Ну а дальше всё по плану. Проект, смета, выбор места площадки и так далее. Хотя нужно отметить: проектируя завод, мы с НИИ «Агрохиммаш» создали настоящий технологический шедевр. Дело в том, что при выпаривании создаётся большое количество избыточного пара, и, направив его на две установленные турбины, мы получили бесплатную электроэнергию, полностью покрывающую потребность завода. А оставшуюся можно продавать местным электросетям.

Платов оглядел собеседников.

— Итак, сырьё получаю бесплатно на переработку, газ по внутренним ценам концерна копеечный, электроэнергия производится с прибылью, чистую воду продаю концерну для размыва. В итоге востребованный биржевой товар у меня не имеет себестоимости.

Барни, которого трудно было чем-то удивить, произвольно затряс головой и, словно убеждая себя, монотонно проговорил:

— Такого быть не может... Нет, так не бывает...

Затем, как бы смирившись, глухо процедил:

— Хотя в России может быть всё, даже то, чего быть не может.

Посмотрел на часы, вынул из кармана телефон и приказал в трубку:

— Вылет перенести на завтра. Да, в двенадцать по Гринвичу.

Невозмутимый Спенсер, что-то проверяя в компьютере, задавал Платову вопросы по существу:

— Завод запущен?

— Да, сертифицирован и занесён в реестр действующих предприятий.

— Какова мощность завода?

— Пока запущено две очереди, каждая мощностью двести тысяч тонн в год.

— А на сколько очередей рассчитан завод?

— На пять.

Пальцы банкира быстро запрыгали по клавишам компьютера:

— Миллион тонн, так, пищевая — 70 фунтов за тонну, химическая — 120 фунтов, медицинская — 800 фунтов, для физраствора — 1200 фунтов, косметическая — 1500 фунтов, таблетки для размягчения воды — 1300–1700 фунтов, гранула — 300 фунтов... Впечатляет, — тихо произнёс он.

— И последнее, — Спенсер был сосредоточен, и казалось, что, если прислушаться, можно услышать, как у него в голове щёлкает арифмометр. — Что из данной номенклатуры можно сегодня производить на заводе?

Платов устало провёл рукой по лицу:

— Вот поэтому, друзья, я и собрал вас сегодня...

* * *

Загорелась красная лампочка на селекторе.

— Да, — Спенсер включил микрофон.

— Пять часов, сэр. Можно подавать чай?

— Ты, как всегда, точен, Николас. Подавай. Но у меня гости. Может, они захотят перекусить чем-то посущественнее.

Гости отрицательно покачали головами.

— Если я правильно помню, сэр, мистеру Платову эспрессо в двух маленьких чашечках и «Перье», а мистеру Штейковски самую большую чашку американо.

— Абсолютно, — банкир отключил селектор.

Барни развёл руками:

— Ну и память у вашего Николаса!

— Это его работа — всегда помнить привычки и пристрастия моих гостей. Даже если они посещают меня раз в пять лет, — сэр Монтегю с улыбкой посмотрел на Павла.

Стол был сервирован. За чаепитием не принято было говорить о делах. Спенсер пожаловался, что с возрастом первый удар в гольфе становится всё короче. Штейковски посетовал на дорожающие бензин и авиакеросин:

— Если цены на горючее не останутся, придётся нам пересесть на малолитражки, а мне мой «боинг» поменять на «сесну».

Платов сосредоточенно молчал, ожидая продолжения беседы...

— Итак, отвечаю на ваш вопрос, сэр Монтегю, — Павел открыл папку и просмотрел заранее подготовленные заметки. — Для того чтобы предприятие стало сверхприбыльным, нужно сделать три вещи. Первое — закупить новейшее западное оборудование для производства всей гаммы солепродуктов. Второе — обеспечить экспорт в наибольшее количество стран. И третье — вывести компанию на IPO, то есть обеспечить её присутствие на фондовой бирже.

Закончив краткий отчёт, Платов откинулся в кресле и в упор посмотрел на Спенсера. Тот невозмутимо продолжал делать пометки в своём календаре.

— По поводу экспорта: я завтра вылетаю в Женеву для встречи с президентом химического концерна «Букер», имеющего двухсотлетний опыт работы с солью во всех её субстанциях. По остальным вопросам мне нужно сотрудничество с вашим банком, сэр Монтегю.

— Сколько нужно денег на оборудование?

Это уже был другой Спенсер. Деловой, сосредоточенный финансист, просчитывающий в голове все возможные плюсы и риски.

Павел сверился с записями:

— По моим подсчётам, миллионов семьдесят — девяносто.

— Не проблема, если будут государственные гарантии. А где вы, Павел, собираетесь взять деньги на пуск остальных четырёх очередей?

— Их мне выделит российский профильный банк под льготный процент. На это уже есть распоряжение нашего премьер-министра.

— И сколько?

— Пять миллиардов рублей.

— Хм, почти шестьдесят миллионов фунтов. Недурно! Думаю, можно будет обойтись и без правительственных гарантий. А выведение на IPO дружественных нам иностранных компаний — это моя любимая забава, — сэр Монтегю позволил себе слегка улыбнуться. — Мне потребуется от вас пакет документов. Согласую с кредитным комитетом. Ну и заводим карусель. Так, мистер Платов?

— Так, — Павел Николаевич утвердительно кивнул, сделал глоток кофе и с облегчением закурил.

Барни Штейковски, внимательно прослушав этот диалог, положил в пепельницу потухшую сигару. Вскинул руки и вопрошающе обратился к Платову:

— Всё это крайне интересно, Паша. Но я-то здесь при чём?

— При том, Барни. Я знаю, что ты инвестировал почти триста миллионов в электро- и беспилотное автомобилестроение.

Штейковски кивнул.

— И главная проблема, над которой ты бьёшься сейчас со специалистами из Иллинойского технологического центра, — это литиевые батареи, чтобы сделать их более компактными и увеличить продолжительность пробега. А из чего состоит электролит, Барни?